

Сюй Фэн впервые видел, чтобы мать так теряла самообладание.

— Мама, Сяо Фэн только вчера вернулся, просто не успел тебе сообщить, — Сюй Чжэн попытался перехватить руку матери, замахнувшейся в ярости, и выразительно посмотрел на младшего брата, призывая его к благоразумию.

Сюй Фэн то ли не заметил этого знака, то ли попросту проигнорировал его.

— Я вернулся не для того, чтобы мозолить вам глаза, — глухо отозвался Сюй Фэн. — Как только ему станет лучше, я уеду.

Мать Сюй понятия не имела, о ком говорит сын, но по его тону и виноватому лицу Сюй Чжэна сразу догадалась: речь шла о любовнике.

И этот любовник, судя по всему, был болен.

Благодаря заступничеству старшего сына, тяжёлая ладонь матери так и не опустилась на его лицо.

Задыхаясь от негодования, выговорила она: — Лучше бы я вообще тебя не рожала! Нормальный ведь парень был, зачем покатился по наклонной, зачем спутался с мужиком?!

Хотя она происходила из уважаемой, благородной семьи, с подобными вещами она никогда лично не сталкивалась. Если и доводилось слышать о таком краем уха, то лишь как о позорном клейме, из-за которого люди становились изгоями.

И меньше всего на свете она желала своему сыну такой участи.

Но Сюй Фэн не собирался уступать. Его влечение к мужчинам было врождённым, его нельзя было исправить, просто женившись на какой-нибудь женщине для прикрытия.

Вэй Линя он любил искренне.

И больше всего ему хотелось понимания со стороны близких, а не глухой стены отрицания.

— Мама, это на всю жизнь, — твёрдо отрезал Сюй Фэн. — Даже если бы не Вэй Линь, рядом всё равно был бы мужчина. К женщинам у меня никогда ничего не ёкнет.

К женщинам он не испытывал отвращения, но, помимо матери, сестёр и пары близких родственников, старался держать дистанцию.

Да и зная себя, Сюй Фэн понимал: он был чистым ноле́м, и на противоположный пол у него попросту не вставало.

— И за какие грехи мне это наказание... — сокрушалась она. — С мужиками путаешься...

Её разрывало между полным непониманием и сосущим чувством вины. Ей казалось, что это она когда-то упустила сына, недоглядела в детстве, раз он вырос таким.

И пускай врачи твердили, что ориентация даётся от природы и изменить её практически невозможно, смириться с этим она не могла.

В конце концов Сюй Фэн ушёл, оставив старшего брата успокаивать мать в полумраке чайного кабинета.

Он понимал, что поступил жестоко, но находиться там больше не имел сил. Слишком тяжело было смотреть матери в глаза, слишком страшно было вспоминать родной дом.

Тот день, когда три года назад его с позором выставили за порог, навсегда въелся в его память.

Тогда была душная летняя ночь, и за окнами бушевала гроза.

Город Б

Три года назад

В гостиной загородной виллы отец и мать сидели на кожаном диване, с ужасом и гневом глядя на стоявшего перед ними на коленях Сюй Фэна.

До того дня он был всеобщим любимцем, избалованным младшим сыном, которому прощалось то, за что доставалось старшему брату Сюй Чжэну и сестре Сюй Лин.

Но в тот вечер всё рухнуло.

Шумного банкета по случаю его совершеннолетия устраивать не стали — собрались узким семейным кругом.

Без напускного пафоса вечер казался удивительно тёплым и искренним, но именно в этот момент Сюй Фэн решил взорвать тишину.

Он признался во всём.

Как только ужин подошёл к концу и прислуга покинула столовую.

Сюй Фэн наивно полагал, что родительская любовь безгранична, и пускай сначала они испытают шок, со временем всё поймут и примут его. Он и представить не мог, какая буря разразится после его слов. Вместо объятий отец рывкнул, заставив его опуститься на колени и просить прощения.

Мать захлебнулась слезами, а отец сжал челюсти.

Реальность оказалась безжалостной.

После родительского гнева и криков его долго пыталась вразумить сестра, Сюй Лин.

А затем началась бесконечная череда свиданий вслепую. Родители упрямо верили: стоит лишь сосватать его за какую-нибудь миловидную, утончённую барышню, как блажь мигом выветрится из его головы и он станет «нормальным».

Целый год его таскали по домам старых друзей семьи, у которых подрастали дочери. Сюй Фэн пересмотрел десятки невест, но ни одна из них не вызвала у него даже тени интереса.

Но судьба распорядилась иначе: в поместье семьи Бай он пересёкся с Вэй Линем. От прислуги семьи Бай Сюй Фэн прослышал о трогательной, почти жертвенной преданности этого человека к Бай Ци. А когда ему посчастливилось мимолётно увидеть Вэй Линя лично, его образ навсегда врезался в память.

Когда Сюй Фэн прямо объявил близким, что любит мужчину, его с треском вышвырнули из Города Б.

Город А

Он перевёлся в Университет А, где издавна, с замиранием сердца наблюдал за тем, как Вэй Линь срывается с места и мчится за тысячи километров ради чужого счастья.

Лишь пару месяцев назад Сюй Фэн наконец понял: кажется, рана в сердце Вэй Линя затянулась и он готов отпустить прошлое.

И теперь он никому не позволит разрушить это хрупкое счастье, которое досталось ему с таким

трудом.

Смыв в душе липкий кошмар прошлого, Сюй Фэн немного перевёл дух в гостиничном номере и только после обеда отправился в больницу, чтобы сменить Ли Юйняня.

Разумеется, он прихватил с собой контейнер с тёплой едой для друга.

Ли Юйнянь не стал расспрашивать, почему тот задержался. В своё время Вэй Линь в общих чертах рассказывал ему о семейных неурядицах своего парня.

Он знал, что Сюй Фэн родом из Города Б, так что его встреча с родными была делом вполне естественным.

Они не были заядлыми друзьями, поэтому в палате вежливо обменивались дежурными фразами, пока не вошла медсестра и не пригласила их на плановое обследование Вэй Линя. Оба тут же подобрались.

Пока длились процедуры, Ли Юйнянь расспрашивал лечащего врача, а Сюй Фэн ни на шаг не отходил от каталки. Наконец оба застыли в напряжённом ожидании вердикта.

Новость оказалась обнадеживающей.

Пожилой седовласый доктор пришёл к тем же выводам, что и специалисты в Городе А: физически пациент стабилен, но теперь всё зависит от его собственного желания очнуться. Старик показал парням несколько техник тонизирующего массажа конечностей и выписал пару восстанавливающих капельниц.

Врач заверил, что шансы на полное выздоровление велики, и просил их не падать духом.

Услышав это, Ли Юйнянь и Сюй Фэн синхронно выдохнули. Ли Юйнянь тут же набрал номер Вэй Ци, чтобы поделиться радостной вестью.

После трагической гибели родителей брат с сестрой остались друг у друга единственной опорой. Вэй Ци буквально сдувала с брата пылинки, и если бы не настойчивые уговоры Ли Юйняня, она бы наверняка бросила работу и поехала вместе с ними.

Ночью Ли Юйнянь снова остался дежурить у постели больного, отправив Сюй Фэна отсыпаться в гостиницу. Напоследок он предупредил, что утром уезжает обратно в Город А, и попросил сменщика прийти пораньше.

Однако планам Ли Юйняня не суждено было сбыться.

Привыкший к строгому распорядку дня, Ли Юйнянь проснулся ровно в семь утра, быстро умылся, уложил дорожную сумку и принялся ждать Сюй Фэна.

Но на пороге его ждал совсем другой гость.

Резкий, требовательный стук в дверь нарушил утреннюю тишину палаты.

— Иду, минутку, — отозвался Ли Юйнянь.

Он вышел из палаты в предбанник и потянул за ручку, гадая, почему Сюй Фэн явился ни свет ни заря, но обомлел от удивления.

Перед ним стоял не преемник, а незнакомая женщина.

На вид ей было едва ли за тридцать пять — ухоженная, статная, окутанная шлейфом дорогого парфюма и лоском истинного аристократизма.

— Доброе утро. Вы к кому? — вежливо поинтересовался Ли Юйнянь, распахивая дверь шире. — Простите, вы, должно быть, ошиблись палатой? Мы не знакомы.

Перед ним стояла разгневанная женщина. Едва накануне Сюй Фэн хлопнул дверью чайной, как она задела семейные связи, чтобы выяснить его адрес. К вечеру на её стол лёг отчёт: её непутёвый сын приехал в Город Б ради попавшего в аварию хахаля, который сейчас лежал в этой самой больнице.

— Ошибки нет. Скажите, здесь лежит... некто Вэй Линь? — ледяным тоном спросила женщина. Она бесцеремонно окинула парня оценивающим взглядом, сразу сообразив по его приличной одежде, что это точно не сиделка.

— Да, всё верно, — насторожился Ли Юйнянь. Вэй Линь никогда не упоминал о знакомстве с подобными высокомерными дамами. — А вы, простите?..

— Ты ещё смеешь спрашивать, кто я? — вспыхнула она. Её так и передёрнуло от мысли, что у постели этого ничтожества дежурит ещё один смазливый юнец. Неужели её сын ввязался в этот грязный вертеп?! — Сначала сам представься!

Глянцевая безупречность её облика напомнила Ли Юйняню день, когда он впервые переступил порог Родового поместья Сяо в сопровождении Сяо Пина. Мать Сяо тогда встретила его в точно таком же облачении — безупречный макияж, высокомерная осанка, за которой крылась глухая стена презрения.

Для него тот день стал одним из самых мрачных воспоминаний.

Допросы, снисходительные ухмылки, завуалированные шпильки... Ли Юйнянь отличался мягким нравом, но даже он тогда подивился собственному долготерпению.

Было очевидно, что перед ним дама из высшего общества, но мотивы её визита оставались загадкой.

— Госпожа, вы пришли навестить Вэй Линя? — как можно мягче спросил он, не желая обострять обстановку. — Я его университетский товарищ, Ли Юйнянь.

Женщина на секунду задумалась, перебирая в памяти вчерашнее досье. Ли Юйнянь... Кажется, сосед Вэй Линя по общежитию. Они дружили почти десять лет.

— Да, я хочу взглянуть на него, — сухо обронила она.

Вчерашняя фотография из личного дела была крошечной и размытой, разглядеть черты лица на ней было решительно невозможно. Ей не терпелось лично увидеть того проходимца, который сумел привязать к себе её единственного наследника.

Ли Юйнянь отступил в сторону, впуская её в палату.

— А здесь неплохо устроились. Сами за всё платите? — вместо того чтобы подойти к кровати, гостя принялась брезгливо инспектировать обстановку.

Этот вопрос покорибил Ли Юйняня. Едва ли воспитанный человек стал бы совать нос в чужой карман.

— Это личные средства Вэй Линя, — сдержанно ответил он.

Доходы от его баров были весьма солидными, и покрыть счета за лечение для него не составляло труда.

Мать Сюй лишь снисходительно хмыкнула. Подобные VIP-палаты стоили баснословных денег, да и одними купюрами здесь было не обойтись — требовались серьёзные связи.

Она лениво осмотрела стены и наконец приблизилась к кровати.

«И что Сюй Фэн в нём нашёл? — брезгливо подумала она, разглядывая бледное лицо парня. — Ради этого ничтожества он отказался от собственной семьи?»

Вэй Линь вовсе не походил на того утончённого, слащавого обольстителя, какого она рисовала в своём воображении, но не был он и писаным красавцем-атлетом. Перед ней лежал самый

обыкновенный, измождённый калека.

Ей стало по-настоящему горько за глупость своего сына.

Пока она бесцеремонно разглядывала больного, дверь палаты снова распахнулась.

— Ты что здесь делаешь?

Сюй Фэн застыл на пороге. Глядя на мать, которой здесь ни в коем случае не должно было быть, он не знал, чего в нём больше — обжигающей ярости или липкого, детского страха.

<http://bllate.org/book/18418/1865375>